

1924

Фин
5555

О **К** **Т** **Я** **Б** **Р** **Ь**
М **Ы** **С** **Л** **И**

№ 3-4

**КУЛЬТУРНОЕ
СТРОИТЕЛЬСТВО
ПРОЛЕТАРИАТА**

Библиотека
им. Н.А. Некрасова

МОСКВА

От этого выиграли бы и журнал и читатели (статьи преимущественно исследовательского, специального характера).

А вопрос о ленинском языке можно осветить для массового читателя после более или менее подробных и полных изысканий. (Это лишь только начало и трудно делать выводы—можно лишь описывать).

На посту.

Ежемесячный литературно-критический журнал. № 1 (15). Май.

Главное достоинство журнала—это его постоянство. В чем, в какой цели, в средствах ли борьбы,—это вопрос другой. Но напористость, количество затраченной энергии (бумага, деньги, силы редакции), упрямство поразительны и, право, заслуживают более достойной участи. Его гонят издатели, его всячески заушают,—одни лишь тернии на его пути,—одно время казалось даже, что погиб журнал в расцвете своих сил, в расцвете своей славы (достаточно, правда, грязной), а он, вдруг, вновь высунул свою злобно-ошестинившуюся морду и облаял, да еще как, своих гонителей и хулителей.

№ 1 (5) типичен для всех номеров. Те же нечистоплотные приемы борьбы, истерический вой на противников, воспевание своих соратников.

Пример неразборчивости в средствах в № 1 (5) „На посту“ дан Ил. Вардиным „(Воронщину необходимо ликвидировать)“. Надо загрязнить, оплевать тех писателей, которые решились „сметь свое суждение иметь“. Потом пускай доказывают, что они не верблюды.

Главная цель достигнута,—политически они заплеваны, опельмованы,—противник частично скомпрометирован. Какими средствами? Это Вардина и всех напостистов мало интересует.

Не важно, что от них—от МАПП'а, писатели бегут, как от злокачественной болячки. Напротив—ага, убегаете, так вот же вам:

„Воронский чрезвычайно радуется „решительному разрыву с так называемым МАПП'ом доброй половины молодняка, уже проявившего себя в литературе“. Он называет имена Артема Веселого, Голодного, Ясного, Светлова, Костерина...

... Названная группа состоит из лиц политически слабо развитых, идеологически мало-устойчивых, настроенных полуанархически, озлобленных тяжелой бытовой обстановкой...

... Мы утверждаем, что Воронский, отколов от МАПП'а группу Артема Веселого, подчинил ее буржуазному влиянию...

... Вдохновляемый Воронским, Артем Веселый договаривается до того, что настоящие писатели у нас даже не среди попутчиков, а... в эмиграции“...

Читателю ведь не все же известно, сколько в этих грязных плевах правды.—А такими путями приобретает доверие к пролетарской литературе!

В общем № 1 (5) слабее предыдущих. Особенно остро даст себе знать отсутствие лефовской критики и полемики. Их лом и розги очень нужны сейчас, когда над нашим литературным молодняком и свежим читателем нависли величественные зады „русских современников“.

А. Е.

Таким же приемом пробуют свалить и своих идеологических врагов—А. Воронского. и Л. Троцкого. Делается просто,—несколько ловко выкроенных вырезок из белых газет, к ним соответствующая приправа из словесных вывертов, круто сдобренная руганью, и дело состряпано.

Следом за Ил. Вардиным вприпрыжку поспешает Юр. Лебединский „(К вопросу о личности художника)“. С серьезным видом знатока, Лебединский делает экскурсии к устной литературе, к Гомеру, устанавливает зависимость художника от данной общественной обстановки (попытка марксистского анализа вопроса)—в общем ворох не убедительных истин из „Азбуки Коммунизма“. В конце своей великой (по объему) статьи, Лебединский с болезненным сладострастием бичует себя за повесть „Завтра“, за свой отрыв от „масс“, отрыв от революционной действительности. А это, по мнению Лебединского, и помешало ему „Завтра“ написать лучше „Недели“. Благородное занятие благородных интеллигентов, бичующих себя за прегрешения вольные и невольные перед „народом“. Заглянуть бы Лебединскому в историческое зеркало,—там можно найти эту мало занятую физиономию кающегося интеллигента.

За Лебединским выезжает маститый вождь пролетарской литературы—Лелевич. Здесь он загармирован под Белинского,—п о д в о д и т „итоги“ 1923 года. И, конечно, приходит к выводу,—земля вертится, пролетарская литература живет, ширится, размножается и пр., все, что полагается на грешной земле. Но почему Лелевич к „достижениям пролетарской литературы“ подбрасывает Голодного, Артема Веселого, Светлова, А. Серафимовича?

Для веса. И это после того, как Лелевича опельмовали, литературные соратники устами Вардина, а Серафимович чурается МАПП'а и бегаёт от „На посту“ возможно подальше.

Или это тоже один из приемов игры, ловкость рук,—подсунуть материал читателю, заведомо не из своей лавочки.

Дальше на доброй половине журнала идет самое дикое необузданное самохвальство, воспевание своих поэтов и писателей. Все что вне МАПП'а о том вскользь, с поджиманием губок (Лелевич), с полупрезрительной миной,—„конечно... но, понимаете, это единичи... а знаете, наши платформы“... (Родов), с напыщенно-театральной, наполеоновской

позой, — „шапками закидаем“... (Безыменский).

В этом диком хоре воспевания хороши оказались и Родов с его коммунарками (символ бездарности), и Юр. Лебединский с его повестью „Завтра“ (заведомо слабой вещью), Малахов с его несколькими дубовыми, напыщенными стихами, и Лелевич с его штампованными стихами. На одной странице А хвалит Б-В-Г, на другой Б хвалит А-В-Г и т. д. Кукушка хвалит петуха...

И совершенно тонут в напостистской какофонии несколько действительно интересных и серьезных статей,—Лидии Тоом (Наши

праздники и старое искусство), П. С. Когана (Серафимович), Сергея Ингулова (Я жить хочу. Об А. С. Неверове). Нельзя не согласиться и с целым рядом суждений и напостистских выводов. Но когда весь серьезно проработанный материал густо посыпается перцем ругани, сдабривается сахаринном слащаво-слонявого самохваления, — получается совершенно неудобоваримое.

И вот сидят напостисты на сковородке, поджариваются в собственном зловонном соку, и получается, что нет вокруг них воздуха, „одна атмосфера“.

Рабочий клуб.

Ежемесячный журнал, №№ 1, 2, 3 — 4. Изд. Пролеткульта. Москва, 1924 года.

В подобном журнале потребность назрела уже очень давно. Клуб—основная культурная ячейка пролетариата, и правильное освещение вопросов клубной работы является насущной необходимостью.

Журнал Пролеткульта делает первый шаг в этом направлении. Как обычно, первый шаг этот не свободен от недостатков.

Материал еще довольно тощ, несистематично подобран. Инструктивный материал поверхностен, мало детализован. Некоторые статьи непопулярны, слишком конспективны (Луговского, Тарабукина).

М. Я.

Но журнал имеет также ряд достоинств. Правильно поставлен вопрос о привлечении массовика, о значении общественно-научного кружка, о роли картин в клубе. Интересен, хотя еще неполон, отдел учета работы.

В общем журнал, несомненно, заслуживает широкого распространения среди руководителей клубной работы и всех, ею интересующихся. Можно думать, что в дальнейшем по мере привлечения к журналу широких кругов практических клубных работников «Рабочий Клуб» сможет в полной мере выполнить свое назначение.

Большевик.

Политическо-экономический двухнедельник ЦК РКП. №№ 1 и 2. Москва, 1924 года.

„Мы хотим быть органом всегда пылливой, критической большевистской партийной мысли. Беспокойство за наше великое дело, неудовлетворенность тем, что есть, и вечное стремление к тому, чтобы сделать лучше. Постоянная самокритика, смелая, беспощадная. Мы хотим быть органом оживления, усиления, укрепления партийной мысли, органом самодетельности“. Таково задание редакции самой себе. Прекрасная мысль, большое начинание и как нельзя более кстати. Партия выросла, рядовой член партии о многом думает, критически всматривается в прошлое и настоящее, чтобы обеспечить верность движения вперед, туманную неизвестность, которого он пытается предугадать. И хорошо говорит редакция о беспокойстве. Безработица, тяжелое положение пролетариата, малые успехи госпромышленности, большие—частного капитала,—заставляют думать и напряженно думать, всякого коммуниста. Проведение выставленной программы многое могло бы улучшить для уяснения положения. Посмотрим, как же выполняет свое задание редакция? Каков % выполнения.

Известную смелость мысли проявляет только Н. Бухарин в статье „О ликвидаторстве наших дней“—все остальные статьи блистают отсутствием этого качества.

М. К.

Самокритики в журнале—нет и следа. Если не считать самокритикой ряд заушений недавней оппозиции.

Ряд авторов считает своим долгом лягнуть ее. Не только в специальных статьях, но и мимоходом. Даже статья о Кронштадте притянута за уши к вопросу об оппозиции. Автор любитель сильных средств—Кронштадт вспомнил, как будто бы есть какие-либо дурачки, способные поверить, что оппозиция в партии могла привести к Кронштадту. Каждому свое. Историк о Кронштадте, а т. Вардин о меньшевиках. И тоже в связи с оппозицией. Составил целую статью из напечатанных ранее и „доказал“, что раз меньшевики строили свои надежды на оппозицию, то значит оппозиция играла на руку меньшевикам. Слабоват силлогизм и стар. „Вильгельм надеялся на деятельность большевиков, значит“... Вон откуда аргумент т. Вардина.

Удары по оппозиции таковы, что самокритике не поздоровится. Подобные методы не способствуют оживлению партийной мысли. Дух апологетизма веет над журналом. От некоторых статей прет такой казенщиной, что с души воротит. В особенности от ст. т. Краваля—о денежной реформе. Даже в „Экономической жизни“ были статьи менее казенного свойства.